

The background is a detailed painting of a rainy night. In the foreground, an acoustic guitar with a polished wooden finish is positioned diagonally, its body and neck glistening with raindrops. To the left of the guitar is a dark, ornate metal lantern. The ground is a wet rooftop or terrace, reflecting the ambient light and the falling rain. In the background, a cityscape is visible through the rain, with buildings and a street lamp glowing with warm yellow light. The overall mood is melancholic and romantic.

ВСТРЕЧИ ПОД ДОЖДЁМ

КРЫШИ СТАРОГО ДОМА

ДАРЬЯ ОЗЁРНАЯ

Дарья Озёрная

Встречи под дождём.

Крыши старого дома

<https://litres.ru/74682308>

SelfPub; 2026

Аннотация

Финальная книга серии «Встречи под дождём». История о том, что можно четыре года прятаться от собственного тела, от музыки и от людей. О том, что чужая тайна иногда становится твоим спасением. И о том, что дождь иногда нужен не для того, чтобы грустить, а для того, чтобы танцевать.

Лиза перестала танцевать в девятнадцать. Не по своей воле. Просто тело однажды сказала «нет» — и она сдалась. Теперь ей двадцать три, она живёт в съёмной комнате с видом на чужую крышу и старается не вспоминать, кем была раньше.

На этой крыше она встречает Гришу. Он играет на гитаре только для себя и только под дождь — потому что однажды вышел на сцену и понял, что больше не может. Они разные. Но их объединяет одно: оба перестали делать то, что любят.

А потом в старом столе Лиза находит ключ. Ключ, который открывает дверь в подвале. Дверь, за которой — чужая гитара, старые письма и ответ на вопрос, который они оба боялись задать.

Содержание

Глава 1. Дождь и крыша	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дарья Озёрная

Встречи под дождём.

Крыши старого дома

Глава 1. Дождь и крыша

Сначала это был просто запах — пыль, поднятая ветром с нагретого за день асфальта, смешанная с чем-то металлическим, будто воздух наэлектризовался перед грозой. Потом упали первые капли: тяжёлые, редкие, они били по жести и бетону с сухим щелчком, как брошенные монеты. И только через минуту небо разверзлось по-настоящему.

Дождь шёл стеной. Он не лился — он обрушивался, заливал, барабанил по плоской крыше так, что казалось, будто под ногами гудит огромный барабан. Капли разбивались о трубы вентиляции, стекали по рубероиду ручьями, собирались в лужи у водостоков и с журчанием уходили вниз, в чёрные горловины. Вода пахла озоном и мокрым камнем. Было в этом звуке что-то одновременно хаотичное и ритмичное — если прислушаться, можно было уловить ритм. Или это просто стучало сердце.

Лиза поднималась по лестнице медленно, перешагивая через ступеньку, и с каждым пролётом дождь становился

ближе — сначала приглушённый, шелестящий где-то над головой, потом громче, настойчивее. Тяжёлая дверь на крышу поддавалась с усилием, и в лицо ударил ветер, мокрый и свежий.

Она вышла и остановилась. Дождь сразу же застучал по плечам, по капюшону, заструился по лицу. Она не стала прятаться. Просто стояла, запрокинув голову, и смотрела в серое небо, на то, как с него бесконечно падают капли. Внутри было странное чувство — не то чтобы пустота, скорее тишина, которая наступает после долгого шума. Здесь, наверху, всё казалось меньше. Проблемы, слова, мысли — всё это осталось где-то внизу, в квартирах и переулках, а здесь была только вода, ветер и она сама.

Она подошла к краю — не близко, на шаг, — и посмотрела вниз. Сердце ёкнуло, но не от страха. От чего-то другого. От ощущения, что ты стоишь на границе и никто тебя здесь не тронет.

Плоская крыша старой девятиэтажки напоминала палубу корабля, застывшего посреди города. Бетонные плиты, покрытые слоем рубероида, потрескавшегося от времени и солнца. То тут, то там торчали трубы: толстые, обмотанные теплоизоляцией, похожей на серую вату; тонкие, с загнутыми коленами; широкие вентиляционные шахты с решётками, из которых доносилось глухое эхо подъездов. Пара антенн, старый спутниковый диск, бельевые верёвки, провисшие под тяжестью дождя.

Ветер здесь был другим — не таким, как внизу. Он не пробирался между домами, не путался в переулках. Он шёл широко, вольно, обдувал со всех сторон, трепал одежду, заставлял щуриться. Отсюда, с высоты, город казался огромным, дышащим механизмом, а крыша — его верхней палубой, где можно было стоять, подставив лицо небу, и чувствовать себя на краю мира.

С высоты девятиэтажки город выглядел как схема, которую кто-то нарисовал, а потом смазал мокрым пальцем. Улицы блестели — асфальт отражал свет фонарей и витрин, и казалось, что внизу течёт река из расплавленного золота и оранжевого света. Машины ползли медленно, их фары расплывались в дожде, оставляя длинные дрожащие полосы. Дома стояли тесно, окна горели неровно — где-то ярко, где-то тускло, где-то совсем темно. Балконы, кондиционеры, спутниковые тарелки, развешанное бельё, которое никто не успел снять. Дворы с деревьями, чьи кроны казались чёрными кляксами на фоне мокрого асфальта. Где-то вдали мигал красный огонёк на вышке. Город дышал, жил своей ночной жизнью, и с этой высоты казался одновременно огромным и до странности беззащитным.

И тогда она услышала гитару.

Сначала она подумала, что это слуховая галлюцинация — среди шума дождя и ветра различить мелодию было почти невозможно. Но звук повторился: чистый, тёплый, он пробивался сквозь пелену воды, как луч света сквозь тучи. Ги-

тара звучала откуда-то сбоку, из-за вентиляционной шахты, и дождь будто приглушался вокруг неё, уступая место. Аккорды были простые, перебор — неспешный, задумчивый, с лёгкой грустью. Струны звенели, и этот звон смешивался с шелестом капель, образуя странную гармонию. Музыка не спорила с дождём — она с ним разговаривала.

Она заметила его не сразу. Он сидел на низком выступе у вентиляционной шахты, ссутулившись, прикрывая гитару корпусом от дождя — не от воды, а скорее от ветра. На нём была тёмная куртка с капюшоном, сброшенным на плечи, мокрые волосы прилипли ко лбу. Пальцы левой руки зажимали аккорд, правая мягко перебирала струны — даже сейчас, когда она вышла, он не остановился. Она успела заметить мозоли на подушечках пальцев — светлые, затвердевшие, — прежде чем он поднял голову.

Взгляд был спокойный, без удивления — будто он ждал её. Или просто привык, что на крышу иногда кто-то заходит. Глаза тёмные, внимательные, с лёгкой усмешкой где-то в уголках. Он кивнул — коротко, как здороваются свои, — и снова опустил глаза на гриф, но пальцы на секунду замерли.

— Дождь, — сказал он просто, будто это всё объясняло. И снова тронул струны.

Гитара отозвалась тихо, тепло, и Лиза почему-то почувствовала, что этот звук ей уже знаком. Хотя слышала его впервые.

Она стояла в нескольких шагах от него, не решаясь по-

дойти ближе. Вода стекала по её лицу, по куртке, по рукам. Он играл. Она слушала. И в этом молчании было что-то, чего она не чувствовала давно — не пустота, не тишина после шума, а присутствие. Простое. Тёплое. Как гитарный аккорд.

Он доиграл. Положил ладонь на струны, чтобы заглушить последний звук. Посмотрел на неё.

— Вы тоже слышали? — спросил он тихо. — Или просто пришли от дождя?

Лиза не ответила сразу. Она смотрела на его руки — на пальцы, которые только что извлекали из гитары звук, такой чистый и точный, что ей захотелось заплакать. Но она не заплакала. Просто сказала:

— Я пришла от дождя. Но осталась из-за гитары.

Он улыбнулся. Коротко. Уголками губ. И в его глазах мелькнуло что-то, чего она не ожидала увидеть, — понимание.

— Тогда оставайтесь, — сказал он. — Дождь ещё долго.

Она кивнула. Подошла ближе. Села на выступ рядом с ним — не слишком близко, но и не далеко. Он снова тронул струны. И Лиза, сидя под дождём на крыше старого дома, впервые за долгое время почувствовала, что находится там, где должна быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.